

1105
Проф. Н. А. Сикорскій.

Психологическая борьба

съ

САМОУБІЙСТВОМЪ

ВЪ ЮНЫЕ ГОДЫ.

КІЕВЪ.

Типографія Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К^о, Караваевская, № 5.
1913.

Проф. И. А. Сикорскій.

Психологическая борьба

съ

САМОУБІЙСТВОМЪ

ВЪ ЮНЫЕ ГОДЫ.

КІЕВЪ.

Типографія Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К^о, Караваевская, № 5.

1913.

Предисловіе.

Съ конца минувшаго столѣтія, самоубійства, въ нашемъ отечествѣ, увеличились до чрезвычайной степени, вопреки естественному, установившемуся потоку статистическихъ событій. Не только общая сумма этого тяжкаго бѣдствія стала чрезмѣрной, но возрасли и отдѣльныя части—особенно самоубійства женщинъ и лицъ юнаго возраста. Оба послѣднія обстоятельства имѣютъ значеніе рокового симптома.

Благодаря необычайной частотѣ, самоубійство спустилось со своей устрашающей высоты, стало обычнымъ повседневнымъ явленіемъ жизни, обратилось въ очередную рубрику газетныхъ хроникъ, какъ самое обыкновенное уличное событіе, въ которомъ внѣшность и подчасъ сенсація поглощаютъ собою чело в ѣ ка, ставшаго жертвой величайшаго несчастія. Неудивительно, что при такомъ нездоровомъ настроеніи общества, самый фактъ самоубійства совершается иногда безъ глубокой, свойственной ему, психологической мотивировки. Самоубійство нашихъ дней, получило въ извѣстной степени, печать скорого, доступнаго, мало обдуманнаго пріема—разрѣшать основные вопросы жизни и бытія.

Опасность соціальнаго зла самоубійствъ усугубляется еще и тѣмъ, что оно охватило интеллигенцію

II

страны въ большей степени, чѣмъ другіе классы, и нравственная инфекция, по этой причинѣ, стала болѣе интенсивной и злобной.

Вмѣсто полицейской хроники самоубійствъ—хроники, которою общество уже достаточно пресыщено и которая лишь способна служить пищею нечестивому любопытству неглубокаго читателя, — надлежитъ писать лѣтописи психологическія, могущія раскрыть и сущность бѣдствія, и причины его развитія и умноженія.

Лѣтописцами всенароднаго бѣдствія ближе и естественнѣе всего стать людямъ высшей психологической компетенціи и притомъ близкимъ, по самому призванію своему, къ потоку зрѣющей духовной жизни. Мы разумѣемъ—персоналъ средней, а особенно высшей школы, гдѣ самоубійство образовало свои инфекціонные фокусы.

Проф. *У. Сикорскій.*

2 января 1913 г.
Кіевъ.

I.

Существуетъ не малая группа такихъ актовъ памяти, которые запечатлѣны или зарегистрированы не вполне тщательно и не по всѣмъ правиламъ сознательной работы. Другіе восприняты безсознательно, напр., во время сна. Иные, наконецъ, схвачены отрывочно, на лету и не сдѣлались предметомъ послѣдовательнаго, тщательнаго ассоціативнаго закрѣпленія, а остаются на дальнѣйшее время въ памяти въ видѣ разорванныхъ тучекъ, которыя при случаѣ могутъ получить большее значеніе и силу по обстоятельствамъ, отъ нихъ, такъ сказать, независящимъ. Часть относящихся сюда явленій открыта Фрейдомъ (Freud) и послужила для него основаніемъ къ созданію особаго метода психологическаго изслѣдованія и леченія подъ именемъ психоанализа и психотерапіи. Методъ Фрейда, состоящій въ простомъ обмѣнѣ мыслей съ больнымъ (т. е. въ разговорахъ), получилъ у врачей большое распространеніе и популярность, особенно въ Цюрихской психіатрической клиникѣ у проф. Юнга (Jung).

Фрейду удалось установить нахожденіе въ памяти такихъ чувствъ и душевныхъ волненій или аффектовъ, которые забыты и, такъ сказать, застряли и затерялись тамъ, но могутъ прорываться съ силой, вызывая этимъ то нервныя, то психическіе безпорядки и болѣзни, что вообще свойственно сильнымъ душевнымъ волненіямъ. Фрейдъ самъ нѣсколько сгузилъ значеніе своей основной идеи, допустивъ слишкомъ близкое отношеніе затерявшихся аффектовъ къ половымъ

функціямъ субъекта. Это допущеніе безъ надобности умаляетъ основную вѣрную мысль Фрейда.

Самый фактъ затерявшихся и забытыхъ, но дѣятельныхъ душевныхъ волненій и аффектовъ хорошо вѣдомо всякому практическому психіатру, и наше дальнѣйшее изложеніе вводитъ специалиста въ область, ему не только не чуждую или новую, но достаточно извѣстную. Мы, поэтому, сразу погружаемся въ существо фактовъ, какъ они извѣстны намъ лично, чтобы перейти затѣмъ къ удобнѣйшему и болѣе наглядному изложенію нашей основной профилактической темы.

Не только чувства и аффекты, какъ это открылъ Фрейдъ, но и всѣ вообще психическіе акты могутъ затеряться въ душѣ, чтобы когда-нибудь въ будущемъ вынырнуть изъ глубины бессознательнаго психического океана и принести съ собою для человѣка добрую или недобрую услугу. И это имѣетъ самое близкое отношеніе къ факту и событіямъ самоубійства, въ чемъ всякій психіатръ и всякій образованный человѣкъ безъ труда можетъ убѣдиться, знакомясь волей или неволей съ фактами самоубійства—знакомясь то въ роли родителя и близкаго человѣка, то въ роли педагога, ученаго, психолога, общественнаго дѣятеля.

Всякій психическій актъ можетъ затеряться: чувство, мысль, волевое напряженіе, двигательный зарядъ, психическая директива*). Такъ, нерѣдко вспыхиваетъ въ душѣ неожиданно чувство виновности въ своей острѣйшей, жгучей, беспощадной формѣ, какъ оно когда-нибудь конкретно было испытано, но не въ той смягченной, болѣе спокойной формѣ, въ какой оно переживалось въ другія объективныя минуты жизни и въ какую вылилось послѣ сознательнаго обсужденія и оцѣнки. Подобнымъ

*) О директивахъ см. мою „Всеобщую Психологию“. 1912 г. стр. 322 и далѣе.

образомъ, самая мысль о самоубійствѣ, какъ предполагаемомъ и возможномъ актѣ, особенно же, мысль, облеченная въ конкретныя формы мѣста, времени, орудій, обстановки и пр., можетъ стать роковой подобно пробѣ стать для опыта у обрыва. Оттого здоровый человѣкъ и не отдается подобному нелѣпому теоретизированію.

Еще опаснѣе волевые акты, т. е. рѣшенія и программы, а въ особенности начало исполненія программы: напримѣръ, заготовка и держаніе у себя яда, огнестрѣльнаго орудія и проч., хотя бы безъ мысли о ближайшей надобности въ томъ, а лишь только, какъ программный или перспективный актъ. Иной разъ не остаются безъ дурного вліянія даже мысли, переложенныя на слова, такъ какъ словесное воплощеніе уже есть начало воли и движенія; напримѣръ, часто повторяемыя въ дурныя минуты слова: „просто, хотъ петлю надѣвай“, или: „приходится, хотъ съ мосту, да въ воду,“ или: „это уже такое положеніе,—хотъ пулю въ лобъ.“ Эти слова, даже въ описательномъ смыслѣ, нелѣпы и бессмысленны или, по самой меньшей мѣрѣ, неосторожны, не эстетичны, вульгарны и приближаются, по своему значенію, къ непозволительной, дурацкой шуткѣ, въ родѣ поднесенія къ своему или чужому глазу остраго ножа или устремленія дула заряженнаго оружія „только для штуки“ и т. д. Этотъ, или иного рода соръ, вносимый въ душу (въ память), есть именно соръ, ведетъ къ загрязненію изящества и чистоты духа и указываетъ на несерьезное отношеніе къ величайшимъ психическимъ цѣнностямъ, которыя требуютъ благоговѣнія къ себѣ и исключаютъ всякую тѣнь легкаго или небрежнаго отношенія.

Еще опаснѣе цѣлыя директивы, касающіяся самоубійства: напримѣръ, планъ застрѣлиться или отравиться въ такихъ-то и такихъ условіяхъ, при наступленіи того или иного момента, при той или иной неудачѣ, при такой или иной безысходности. Всѣ директивы подобнаго рода глубоко не-

правильны по существу, такъ какъ, будучи психологически заготовленными заранѣе, онѣ лишаютъ своего несчастнаго автора возможности оцѣнить послѣдній моментъ, который долженъ играть роль сигнальнаго акта и рѣшающаго звена въ цѣпи событій.

Въ вопросахъ самоубійства наибольшее значеніе имѣютъ религіозныя и философскія директивы: о цѣли жизни, о долгѣ передъ другими, о долгѣ предъ самой жизнью, о воображаемомъ, но, въ сущности, глубоко ошибочномъ правѣ разрушить собственную жизнь и т. д.

Эти вопросы выходятъ за предѣлы затронутой здѣсь темы и, по своей обширности и важности, должны быть разсмотрѣны въ другомъ мѣстѣ и на основаніи другого матеріала.

Переходимъ къ конкретнымъ фактамъ самоубійствъ юнаго возраста.

II.

Нижеслѣдующія строки предназначались къ опубликованію, въ качествѣ личныхъ воспоминаній, нѣсколько позже, тѣмъ болѣе, что значительная часть ихъ не приведена къ литературной законченности, а нѣкоторыя хранятся въ видѣ замѣтокъ, отчасти въ архивѣ памяти. Но то, что въ этихъ воспоминаніяхъ касается самоубійства, оказывается необходимымъ (если я не ошибаюсь) опубликовать теперь же, особенно въ виду того, что о самоубійствахъ вновь поднялись разговоры въ обществѣ, да и самое бѣдствіе не уменьшается. Поневолѣ заговоришь!

Утомленіе. Утомленіе невзгодами жизни.

Студентъ одного изъ высшихъ учебныхъ заведеній въ С.-Петербургѣ, много потерпѣвшій отъ бѣдности и лишеній, впалъ въ состояніе пессимизма, усталъ душой, и у него стала являться мысль о самоубійствѣ. Онъ давно имѣлъ револьверъ. Однажды, чувствуя себя особенно скверно, онъ сказалъ себѣ: „нѣтъ, надо кончить“. Съ этой цѣлью онъ отправился ночью на Крестовскій островъ, чтобы выстрѣлить въ себя, свѣсившись съ перилъ моста—обычный въ ту пору въ С.-Петербургѣ пріемъ самоубійства, рассчитанный на то, чтобы упасть въ воду и утонуть, въ случаѣ полученія несмертельной раны. Находясь въ неопредѣленномъ состояніи, не испытывая никакихъ волненій, онъ былъ на

одинъ шагъ отъ смерти. Въ ту пору по направленію къ нему шелъ полицейскій. Внезапно у него явилась мысль: „надо поскорѣе стрѣлять, чтобы не помѣшали“, но полицейскій остановился, и это отсрочило катастрофу. Совершенно неожиданно пришла въ голову мысль: „пойти сначала къ психіатру... и послѣ визита къ нему еще можно успѣть до наступленія зари застрѣлиться“.

Больной позвонилъ къ намъ. Разбудивши по очень важному дѣлу, какъ онъ объяснилъ, онъ разсказалъ то, что сейчасъ изложено. Бесѣда оказала на молодого человѣка благотворное вліяніе, онъ оставилъ у меня револьверъ и охотно далъ взятое съ него слово, что въ теченіе недѣли онъ не станетъ дѣлать новыхъ покушеній и будетъ исполнять совѣты. Онъ безпрекословно повиновался всему, что у него потребовали, сказавши только съ недоумѣніемъ: „неужели послѣ этого можно жить“. Онъ совершенно оправился. По-видимому, обстановка семейнаго дома, гдѣ онъ неожиданно, среди ночи нашелъ хлѣбъ-соль, нашелъ проснувшихся дѣтей, встрѣтилъ участливое спокойствіе хозяевъ и жизнерадостность семьи, ютившейся въ одной комнатѣ—все это вмѣстѣ взятое послужило толчкомъ, постепенно преобразовавшимъ его душевное настроеніе.

Впослѣдствіи онъ вспоминалъ объ этомъ и утверждалъ, что былъ въ высшей степени близокъ отъ смерти, и что спасеніе его—счастливая случайность. Объ этой случайности онъ навсегда сохранилъ трогательное воспоминаніе. Такъ этотъ случай описанъ и напечатанъ въ Сборникъ моихъ сочиненій (Томъ I, стр. 156—157), гдѣ кратко приведены и многіе другіе случаи. Дополню приведенное описаніе нѣкоторыми деталями, которыя подчеркиваютъ и разъясняютъ многое, что не нашло себѣ мѣста въ сухомъ научномъ изображеніи цитированной статьи.

Въ ту пору я былъ ординаторомъ клиники душевныхъ болѣзней проф. И. М. Балинскаго, знаменитаго клинициста-

психіатра. Балинскій поручилъ моимъ заботамъ обращающихся за совѣтамъ студентовъ. Квартира, гдѣ я жилъ, помѣщалась въ небольшомъ зданіи клинической фѣрмы и состояла изъ одной комнаты съ передней. Петербургское студенчество (разныхъ учебныхъ заведеній) хорошо знало фѣрму, и посѣщенія „доктора“ были обычны. Въ маленькой квартирѣ, вмѣстѣ съ родителями жили двое дѣтей (дѣвочки—четырехъ и трехъ лѣтъ). Среди нашей бесѣды (я, жена и студентъ-гость) вдругъ изъ-за ширмы, отдѣлявшей часть комнаты подъ спальную, раздался твердый, рѣшительный голосъ дѣвочки, которая, проснувшись и услышавъ часть разговора, стоя на колѣнкахъ въ дѣтской кроваткѣ заговорила:

— Ты его не пускай, папа, теперь ночь, онъ непременно упадетъ въ воду.

Чтобы успокоить дѣвочку, я шумно вышелъ въ переднюю, рѣзко щелкнулъ двернымъ ключемъ, шумно вынулъ ключъ и, отдавая дѣвочкѣ, сказалъ: „спрячь ключъ, дверь закрыта“. Дѣвочка закопошилась въ кроваткѣ, а чрезъ минуту сказала: „Я такъ хорошо спрятала ключъ въ кроваткѣ, что онъ ни за что не найдетъ“. Дѣвочка скоро уснула. Какъ оказалось впослѣдствіи, вмѣшательство дѣвочки было психологически полезно. Оно было первымъ проявленіемъ семейной заботы и бодрствующей воли. Пока юноша жилъ въ родномъ домѣ, онъ все имѣлъ, но съ переездомъ въ Петербургъ, сухая, безчувственная атмосфера крупнаго человѣческаго жилья или центра удручающе подѣйствовала своимъ арифметическимъ складомъ, своимъ психологическимъ бездушіемъ. Въ большихъ городахъ, самоубійствъ больше, чѣмъ въ провинціи. Оставайся юноша жить въ провинціи, ему почти не угрожала бы опасность, но съ переездомъ въ столицу на него какъ разъ палъ жребій—стать добавочной величиной къ средней цифрѣ самоубійствъ большого центра. Расчетъ на уроки, на занятія, на хорошій заработокъ не

оправдался. Юношу взяло раздумье, которое скоро привело къ кажущейся безысходности положенія. Оттого, первая заботы, первая капля участія, какое онъ нашель въ докторской семьѣ на фермѣ, сразу благотворно подѣйствовали. Юноша потомъ любилъ разговаривать съ „строгой дѣвочкой“, какъ онъ ее называлъ, которая показала ему и первую сердечную заботу, и первую спокойную твердость духа.

— А ты помнишь, какъ ты отъ меня ключъ спрятала,— съ ласковымъ допросомъ обращался онъ къ дѣвочкѣ.

— Потому что ты неосторожный мальчикъ, ты можешь упасть въ воду,—заботливо отвѣтила она.

Онъ неоднократно предлагалъ ей тотъ же вопросъ чтобы получить тотъ же желанный отвѣтъ, и съ той же, желанной укоризненной твердостью духа, которая послужила для него первой каплей укрѣпляющаго психологическаго лѣкарства. Когда на разсвѣтъ молодой человѣкъ уходилъ изъ докторской семьи (жена моя тоже была врачомъ), я предложилъ ему въ провозатые денщика А., безграничнаго добрака, который былъ не только денщикомъ, но и добровольной нянькой дѣтямъ, платившимъ ему за то нѣжной дѣтской любовью; его нравственный тактъ далъ основаніе для выбора въ исполнители сложной миссіи—быть товарищемъ, а не надзирателемъ.

— Зачѣмъ денщикъ?—Какъ конвой?..—Уже не надо,—спокойно и увѣренно говорилъ молодой человѣкъ.

— Не какъ конвой, а какъ товарищъ, какъ спутникъ, сказать я, чтобы не было одиночества въ пути, а когда Вы вступите въ вашу негостепріимную квартиру, чтобы не было то-скливо и жутко. Вамъ дается не безжизненный надзоръ, а живая душа въ спутники.—Не бѣда, что нижній чинъ,—это педагогъ у моихъ дѣвочекъ,—закончилъ я.—Я бы васъ и съ этой „строгой дѣвочкой“ отпустилъ, если бы у нея было столько лѣтъ, сколько души,—съ ласковой шуткой провожалъ я гостя.

Какъ ребенокъ, пошелъ студентъ съ солдатикомъ, который хотя былъ простоватъ умомъ, но былъ добръ и про-ницателенъ духомъ,—педагогъ по душѣ.

Молодой человѣкъ былъ спасенъ и сохранилъ трогательную признательность къ своимъ случайнымъ знакомымъ.

III.

Молодыхъ лѣтъ дѣвица, городская учительница въ столицѣ, много при томъ философски работавшая надъ своимъ умственнымъ развитіемъ и нравственнымъ міросозерцаніемъ.

Въ то же время она блестяще несла свою профессиональную службу. Развилось утомленіе жизнью и выразилось въ одной изъ опасныхъ формъ—въ чувствѣ виновности. Никакой вины за этимъ чистымъ существомъ не было, но утомленіе и пессимизмъ вылились въ злостное чувство какой-то всеобщей вины, и эта придирчиво-строгая къ своему профессиональному долгу работница стала копаться въ душѣ и находить недочеты. Она была одной изъ первыхъ учительницъ эпохи Стасюлевича. Строгая къ себѣ, вдумчивая, не имѣвшая времени дѣлиться душой съ другими, она замкнулась въ себя, явилась сама себѣ судьей, осудила себя, признала себя кругомъ виноватой, лишней въ мірѣ, недостойной жить. Будучи въ семьѣ старшей, содержа на свое жалованье мать и младшихъ сестеръ, она работала свыше мѣры и незамѣтно подошла къ кризису. Только современная психіатрія, основанная на психологіи, разобралась въ происхожденіи чувства виновности. Въ одной изъ новѣйшихъ психіатрій читаемъ: „Виновность является исходной точкой для развитія дальнѣйшихъ патологическихъ эмоцій, и съ этой стороны чувство виновности получаетъ особую практиче-

скую важность. Чувство виновности, въ видѣ кратковременной эмоціи уже, наблюдается у нѣкоторыхъ высшихъ животныхъ, напр., собакъ. Оно выражается даже у животныхъ общимъ ослабленіемъ произвольной мускулатуры и отказомъ отъ движенія. Ослабленіе мускулатуры даетъ внѣшній обликъ приниженности (у животныхъ это выражено съ буквальной реальностью). У дѣтей чувство виновности наблюдается гораздо чаще, чѣмъ о томъ думаютъ родители и педагоги, и это, иной разъ, предвѣщаетъ будущую душевную болѣзнь. Въ основѣ чувства виновности лежитъ упадокъ силъ, пониженіе фізіологическаго и психическаго потенціала, упадокъ духа и признаніе себя причиной наступившихъ переменъ. Такимъ образомъ, чувство виновности есть живая субъективная реакція или неизбежное субъективное послѣдствіе упадка и замедленія фізіологическихъ и духовныхъ процессовъ, хотя бы этотъ упадокъ и замедленіе происходили не по винѣ субъекта. Главнѣйшими причинами упадка духа бываютъ слѣдующія условія:

во-первыхъ, замедленіе и остановка мысли (въ сомнѣніи);

во-вторыхъ, замедленіе и остановка воли (въ нерѣшительности и колебаніи);

въ-третьихъ, замедленіе, зависящее отъ фізіологическихъ причинъ: утомленія работой, отравленія организма токсинами (автоинтоксикаціи) и отъ нервного истощенія подъ вліяніемъ страстей и эксцессовъ“.

При очень напряженной работѣ у описываемой учительницы общее питаніе и сонъ особенно пострадали, и создалась роковая почва. Считая себя неспособной къ службѣ и духовному процессу, она рѣшилась лишить себя жизни. Для этого, запасшись глазными каплями по докторскому рецепту, она по готовому рецепту безъ подписи доктора получала изъ разныхъ аптекъ капли, послѣдовательно обрывая рецепты отъ каждаго вновь добытаго пузырька и адре-

суясь въ свѣжую аптеку. Полученныя, такимъ образомъ, нѣсколько дозъ капель атропина выпила заразъ. Какъ только появились признаки отравленія, близкіе, уже раньше пораженные переменной характера, сейчасъ обратились къ доктору. Младшая сестра заболѣвшей явилась ко мнѣ и, скрывая случившееся, торопила ѣхать къ больной. На мои разспросы она уклончиво отвѣчала, боясь, какъ потомъ оказалось, что врачъ, узнавъ объ отравленіи, а не болѣзни, откажется подать помощь. Это была естественная растерянность при заболѣваніи старшаго члена семьи (отравившаяся содержала на свои заработки мать и сестеръ).

— Она что-то выпила,—робко открылась сестра, пока мы ѣхали...—Только она ни за что не приметъ лѣкарствъ, она сказала это.—Ну скорѣе, извозчикъ, ты же общалъ быстро ѣхать, нетерпѣливо торопила она возницу.

Приѣхали.

Я увидѣлъ труженицу въ опасномъ положеніи. Нельзя было медлить съ помощью. Со всею силою убѣжденій и юнаго пыла (это было тридцать лѣтъ назадъ), я пытался возможно быстрѣе добиться, чтобы она приняла противоядіе и необходимыя лѣкарства. Она оказалась личностью съ большой волей, и психическая борьба съ нею была дѣломъ не легкимъ.

Была необходима рѣшительность и сила воли. Вотъ приблизительно происшедшій между нами разговоръ.

— Я лѣкарствъ не приму.—Я хочу умереть. Я своего рѣшенія не переменю.—Напрасно доктора звали,—рѣзко сказала она окружающимъ.

— Я также своего рѣшенія не переменю, сказалъ я твердо.—Я здѣсь, чтобы Васъ спасти, и не отойду отъ постели больной, пока тяжкая опасность не минетъ.

— Я не больная,—рѣзко возразила она.

— Вы тяжело больная... Но я больше не могу тратить время на слова, прошу Васъ начать лѣченіе. Вотъ средство, которое необходимо сейчасъ принять.

— Я ничего не приму, я рѣшилась умереть!

— Марія Ивановна! *). Вы дали мнѣ дурной примѣръ: Вы прибѣгли къ химическому насилію надъ организмомъ, Вы наложили руки на женщину, чтобы убить ее; я тоже прибѣгну къ насилію, чтобы спасти ее.

— Развѣ я не имѣю права умереть?

— Умереть—да, но у бивать... Вы права не имѣете.

— Я себя убиваю, а не другого.

— Вы убиваете человѣка и пока я здѣсь, я не допущу Васъ довести убійство до конца, не стану вашимъ соучастникомъ. Я не остановлюсь ни предъ чѣмъ, чтобы Васъ спасти, пока это возможно... Когда человѣкъ тонетъ или гибнетъ,—разрѣшенія спасать ни отъ кого не требуется. Ваше противодѣйствіе беспочвенно!

Въ эту минуту ея самоувѣренность и сила воли дрогнули, судя по ея голосу, тону и по выраженію ея лица. Она сдѣлала послѣднюю попытку стоять на своемъ, но уже гораздо менѣе увѣренно и повторяясь.

— Имѣю же я право себя убить?!

— Но и я... также имѣю право и долгъ спасать, не различая однихъ убиваемыхъ отъ другихъ.

— Если Вы такой...—гнѣвно сказала она, дѣлайте, что Вамъ угодно.

— Потрудитесь выпить весь стаканъ сполна, сказалъ я, подавая стаканъ.

— Выпейте другой стаканъ, сказалъ я тѣмъ же тономъ непререкаемаго авторитета.

— Я останусь жить?—гнѣвно спросила она.

— Надѣюсь, да!

— Подлецъ!

— Чрезъ двѣ недѣли Вы скажете иное Мы не послѣдній разъ видимся съ вами.

*) Имя измѣнено. С—кій.

Послѣ подачи первой помощи больная была помѣщена въ лѣчебницу. Прошло нѣсколько дней, пока опасность миновала. Больная была потрясена и угнетена и всей токсической передрягою, и начинавшимся сознаниемъ крупной ошибки, какую она сдѣлала,—она, разумная, энергичная дѣвушка, почти, что глава семьи, потому что мать и сестры относились къ ней, какъ къ старшей. Въ больницѣ я былъ ея врачомъ по отдѣленію, но въ первые дни не обращался къ ней. Послѣдняя произнесенная ею еще дома фраза указывала на гнѣвъ, а это чувство вдругъ не исчезаетъ, ему необходимо дать время стихнуть и погаснуть, ничего для этого не дѣлая. Тѣмъ болѣе, что ея рѣшимость умереть была актомъ сильнымъ и сложнымъ, и психологическая перестройка не могла совершиться вдругъ. Ей необходимо было дать время на раздумье, не вмѣшиваясь въ требовавшуюся углубленную работу. Чтобы ориентироваться въ томъ, какъ эта работа идетъ, я ждалъ ея инициативы. Объ ея здоровьи я расспрашивалъ сидѣлокъ и надзирательницъ въ ея присутствіи. Она молчала. Такъ прошло дней десять. Вдругъ она кротко обратилась ко мнѣ. Я сѣлъ съ ней всторонкѣ.

— Простите мое безумство. Вы были правы, что чрезъ двѣ недѣли я скажу иное.—И какъ все это случилось!? Сейчасъ еще не совсѣмъ разбираюсь. Какое счастье, что Вы были такъ настойчивы и тверды!

— Я совсѣмъ не о томъ сейчасъ думаю, участливо отвѣчалъ я.—Дайте и мнѣ разобраться, я обдумаю, что съ Вами дѣлать, какъ быть. Еще понаблюдаю. А Вы только отдохайте.

— Буду *жить*, не стараясь умереть, отвѣчала она на свои мысли и мои дѣйствія.—Буду жить какъ можно дольше, чтобы благодарить добрыхъ людей и научиться понимать жизнь. Какое это крупное сложное событіе—жизнь человѣческая!—Благодарю васъ, докторъ, что Вы не покидаете меня... я беспомощна... душой беспомощна!

— О душѣ еще рѣчь впереди—отвѣчалъ я, теперь подумайте только о тѣлѣ.—Проводите много времени на воздухѣ и больше посиживайте. А о душѣ... Она оправится! Бури не вдругъ стихаютъ... Потрепанные листочки дерева расправятся! Я подумаю и о деревѣ, и о листочкахъ...

— Подперши рукою голову, она осталась сидѣть, когда я всталъ и отошелъ.

Дѣтямъ моимъ было объявлено, что у нихъ будетъ учительница... Много было дѣтской радости! Много перваго, проникновеннаго дѣтскаго долга, который уже просился наружу. Нечего говорить, что Марія Ивановна была той самой учительницей. Эта опытная учительница была полезна всякимъ дѣтямъ, и хотя учебный срокъ еще не вполнѣ для моихъ дѣтей назрѣлъ, но небольшое ученье, въ родѣ забавъ, было возможно и полезно, могла быть также полезной близость къ дѣтямъ добраго и чуткаго человѣка. Но это (педагогическія занятія) было болѣе всего необходимо для Маріи Ивановны, для которой міръ психологически беспомощнаго дѣтства былъ необходимъ, какъ рыбѣ вода и птицѣ воздухъ. Имъ—дѣтскимъ міромъ—лучше всего могъ быть поднять упавшій духъ Маріи Ивановны и поколебленная вѣра въ себя. Но болѣе всего было необходимо предупредить наступившее замедленіе и остановку душевнаго движенія.

На другой день, послѣ перваго краткаго обмѣна фразами, Марія Ивановна приблизилась, пока я говорилъ съ другой больной, и, выждавши свободную минуту, сказала:

— Какъ хорошо, что Вы были въ тотъ день такъ тверды и такъ рѣшительны со мною. Это было первое, что озарило мой спутавшійся умъ. Ваша настойчивость и логическая безпощадность освѣжили мою душу, какъ тотъ полунощный ударъ колокола, который остановилъ на краю проруби одного изъ героевъ въ драмѣ Островскаго.—Я была возбуждена и фанатизована страшнымъ замысломъ. Нѣжность и дряблость отношенія погубили бы меня.

Она остановилась въ раздумьи, оставаясь такъ нѣсколько минутъ.

— Вѣдь, все, что Вы мнѣ тогда сказали, просто, очень просто, а я этихъ вещей простыхъ не знала, и многіе этого не знаютъ... Очень простая и очень глубокая философія жизни...

— Убить себя!? Какое простое дѣло, и какая простая, великая ошибка!—говорила она не вполголоса, а скорѣе громко думая, не пытаясь скрывать свои мысли.

— Велика ваша наука,—уже громко сказала она мнѣ, чуть чуть озарившись надеждой и волей.—Буду жить, буду долго жить, чтобы долго благодарить добрыхъ людей, сказала она опять вполголоса.

Марія Ивановна сдержала слово... Съ тѣхъ поръ, когда случилась бѣда, прошло уже тридцать лѣтъ, а она и по сей день живетъ и здравствуетъ, радуется и учительствуетъ. Учительствуетъ по призванію, по великому долгу жизни. И будетъ дальше учительствовать: повадится кувшинъ по воду ходить, будетъ ходить, пока не разобьется.

И живетъ этотъ отборный человѣчекъ просто и мудро! И сколько дѣтскихъ головокъ прошло чрезъ ея руки! (простите, Марія Ивановна, за невольный лиризмъ!)... Но возвратимся къ роковому эпизоду юныхъ дней...

Еще и еще прошли дни съ того дня, Маріи Ивановнѣ становилось въ больницѣ лучше и лучше на объективный взглядъ психіатра, но субъективно она все еще была тяжело немощна, какъ тотъ тифозный, который все дальше и дальше отходитъ отъ конца своей болѣзни, но все еще лишенъ силъ и хорошаго сна. Но уже можно было моему тифозному позволить встать съ постели и немножко посидѣть и походить!

Я передалъ Марьѣ Ивановнѣ просьбу моей жены и мою зайти къ намъ, посидѣть, напиться чаю, познакомиться съ нашими дѣвочками-дошкольницами, проэкзаменовать ихъ и, быть можетъ, немножко заняться съ ними.—„Психологи-

ческий воздухъ нашей квартиры дать Вамъ возможность глубже вздохнуть“, добавилъ я: „тамъ больше школьнаго чѣмъ больничнаго“. Квартира была рядомъ. Стоило открыть дверь, и изъ помѣщенія больныхъ вы входили въ квартиру доктора. Переходъ физически былъ непосредственный, а нравственно—благотворный. Больные (женское отдѣленіе) любили этотъ путь.

Душа Марія Ивановна сразу озарилась старой учительской радостью, которая какъ будто бы ушла такъ далеко отъ ея сердца, что стала маленькой и незамѣтной. Возрадовалась Марія Ивановна, но сомнѣнія и страхъ еще прочно держались въ душѣ и дѣлали радость чѣмъ-то несслыханнымъ и опаснымъ.

— Развѣ я на чтонибудь еще способна?...—Развѣ я могу?—Какъ будто у меня осталась только тѣнь того, что было.

— Оно все есть! Оно прикрыто, придавлено, но оно—все сполна въ вашей душѣ.—Не сомнѣвайтесь, Васъ просятъ къ себѣ два доктора (моя жена тоже врачъ).—Это же цѣлый консилиумъ—въ видѣ почтительной шутки сказалъ я.—И вы увидите, что въ смежномъ помѣщеніи живутъ и порядочныя дѣти и порядочные родители, со скромнымъ достоинствомъ замѣтилъ я.

— Охъ, Боже!—Да еще какіе порядочные! Здѣсь такъ много говорятъ объ этомъ—отвѣтила Марія Ивановна на мои послѣднія слова.

Въ назначенный срокъ Марія Ивановна была въ гостяхъ. Она очутилась въ родной стихіи. Пошелъ осмотръ дѣтскихъ книгъ, тетрадей, игрушекъ, карандашей, красокъ. Пошли рассказы, разговоры, новости. Марія Ивановна оживилась, какъ будто пудовая гиря сдвинута съ ея сердца.

Много было рѣчей въ дѣтской въ этотъ день, много было радости.

Общеніе съ дѣтьми было весьма благотворно для настроенія духа Маріи Ивановны. Она стала крѣпче духомъ,

и гнетъ чувства виновности утратилъ значительную часть своей силы и своего вѣса. Она испытывала потребность подѣлиться спасительной новостью.

— Я чувствую, что, кажется, буду здорова.— Меня ваши дѣвочки радуютъ, ихъ голосъ изо дня въ день яснѣе вспоминается въ моей опустѣвшей душѣ, и тяжелая каменная глыба, которую я въ себѣ ношу, стала легче для сердца... Никогда я не знала, что такое психическая болѣзнь... и узнала.

— Это не психическая болѣзнь,—съ сердечной неожиданностью сказалъ я.—Это усталость души, утомленіе нервовъ. Вы подняли скалу. Уроки, тетрадки, записи, методики, иностранные языки, психологія, да—„быть первой учительницей“, да „поставить школу на должную высоту“—если всего и понемногу, то гора и выйдетъ. Гора Васъ и придавила, Вы упали, да такъ, что другимъ пришлось Васъ поднимать. А психоза нѣтъ. Психозъ—бѣда посерьезнѣй, а Вы за два—три мѣсяца совсѣмъ будете здоровы, и мы перечислимъ Васъ въ вѣдомство Стасюлевича.

— Въ вашей семьѣ... Ваши дѣтки меня поднимаютъ, немощную духомъ. Вчера съ вашей женой разговорила и расплакалась, признаюсь Вамъ, но и отъ этого мнѣ легче стало.—А я то, въ глубинѣ души, думала про психозъ.

— Отъ психоза Вы застрахованы вашей нервно-психической организаціей.

— Какъ такъ?—почти съ дѣтской радостью спросила Марія Ивановна.

— Тысяча поколѣній вашихъ предковъ трудомъ, усиліями и правильной жизнью скопили многоцѣнные біологическія сокровища и передавали ихъ нисходящимъ поколѣніямъ, которые слѣдовали той же политикѣ, отчего и установилось фізіологическое благо-родство. Это застраховываетъ и отъ вырожденія, и отъ психозовъ. Вмѣстѣ съ вашими родными Вы—наслѣдница немаловажныхъ вѣковыхъ цѣнностей.

— Развѣ это можно знать, спросила она съ той же дѣтскою радостью.

— Съ математической точностью нельзя этого знать, но все-таки можно знать довольно точно. Вашъ біологически-благородный родъ—представитель хорошо сработанныхъ нервно-психическихъ машинъ, которыя было бы грѣшно останавливать въ ихъ движеніи или заливать сѣрной кислотой и растворомъ атропина.

— Святые ваши слова! Надо беречь, какъ зеницу ока.

Сказанныя мною слова уже не пугали Марію Ивановну, и не были для нея обидны: она уже довольно оправилась отъ своей катастрофической болѣзни, и въ ея душѣ окрѣпла и вѣра въ себя, и надежда.

Изъ бесѣдъ съ психіатрами, и въ психіатрической семьѣ она ознакомилась со многимъ, что ей казалось новымъ, неожиданнымъ и во многомъ кореннымъ образомъ перестраивало взглядъ на жизнь и самую жизнь.

— Вѣдь это все проще и лучше, что исповѣдуетъ ваша психіатрическая религія. Это дѣлаетъ жизнь простой, безыскусственной, правильной—говорила Марія Ивановна въ семейно-товарищескомъ кружкѣ психіатровъ.

— Я счастлива, что мнѣ, хоть такъ пришлось познакомиться съ нѣжно-крутыми, но добрыми, прямодушными, хорошими людьми. Твердое убѣжденіе—это святая вещь. И я вижу, что психіатрія воспитываетъ людей.

— Подражайте намъ въ воспитаніи, сказалъ молодой психіатръ-собесѣдникъ,—сейчасъ понизится процентъ нашихъ пациентовъ. Что не исправить педагогъ, или что онъ испортитъ, то попадетъ въ руки психіатра.

IV.

Молоденькая дѣвушка 15-16 лѣтъ.—Острое утомленіе умственной работой и жизнью большого города, безъ семейной атмосферы.—Глубокое чувство виновности и страха.

Молодая дѣвушка изъ бѣднаго семейства, не окончившая гимназіи, но затѣмъ почувствовавшая потребность учиться дальше, пріѣхала въ Кіевъ на курсы. Такъ какъ среди современной молодежи, особенно женской, потребность высшего образованія чувствуется не только какъ интеллектуальный, но гораздо болѣе, какъ нравственный долгъ, то и молодая дѣвушка была подъ тѣми же наитіями, это было для нея прежде всего нравственнымъ долгомъ, который не допускалъ ни отлѣны, ни промедленія, ни отдыха. Не помню, на какихъ курсахъ она училась. Но работала она много, стараясь наверстывать и пробѣлы первоначальной подготовки. Питалась недостаточно, отдыхала недостаточно, не имѣла удобствъ жилища. Къ этому присоединились заботы и тяжелое чувство озабоченности по присканію заработка. Обычный циклъ условій! Заработки не давались. Мысль о взносѣ платы за ученіе тревожила и страшила. Спокойствія духа при такихъ условіяхъ не было, успѣхи также не были своевременны, ни обезпечены. Молодая дѣвушка все относилась то къ недостатку энергіи, то къ недостаточной выработкѣ характера, то къ своей неумѣлости—и себя, одну себя, считала во всемъ виноватой. Она такъ въ этомъ утвер-

дилась, что въ своемъ боязливомъ и торопливомъ мышленіи не брала въ расчетъ всѣхъ причинъ и условій, но сгузилась и замкнулась въ одномъ чувствѣ личной виновности. Къ этому скоро прибавилось чувство гнѣва и раздраженія противъ этого единственного, казалось ей, виновника ея бѣды и жизненныхъ неудачъ.

— „Такъ нечего и церемониться съ такимъ существомъ“—неожиданно промелькнуло, однажды, въ ея душѣ. Эта логика: „виновный долженъ получить возмездіе“ крѣпла въ ея душѣ, и опасность катастрофы становилась все болѣе и болѣе возможной. Односторонность въ работѣ сознанія слѣлалась особенно слѣпой съ того момента, когда на горизонтахъ настроенія утвердилось чувство гнѣва и его дѣтище—мечь. Гнѣвъ особенно опасенъ тѣмъ, что это чувство—не пассивное, какъ тоска а, напротивъ,—активное, дѣйствующее, способное къ опаснымъ и страстнымъ проявленіямъ.

По складу своего характера, молодая дѣвушка не обладала сколько-нибудь значительной волей или дисциплинированной мыслью (и училась-то она немного!). При такихъ условіяхъ, ея чувства не были сдерживаемы или обуздываемы волей и не подвергались сколько-нибудь серьезной умственной обработкѣ, и потому, естественно становились острыми и порывистыми и оставляли дурной слѣдъ въ эмоціонной памяти. Виновность и мщеніе стали почти безраздѣльно господствовать въ душѣ. Но по природной добротѣ этого существа, чувство виновности, а не гнѣвъ въ наиболѣе овладѣло ея душой: она мучилась воображаемыми своими винами, часто дѣтски-наивными, однакоже настолько жестокими, что гнѣвъ и мщеніе стояли въ душѣ наготовѣ. Въ такомъ состояніи она обратилась ко мнѣ.

Ея мысль оказалась односторонней и упорной: она думала объ отравленіи, другіе виды самоубійства не занимали ея ума: то муки виновности, то перепектива и детали отравленія.

Она торопливо и наскоро описала свое душевное состояние и сейчас перешла къ процедурѣ лишенія себя жизни.

— Я все обдумала, г. профессоръ, я не буду стрѣляться, чтобы не испугать хозяевъ, да у меня и руки не твердыя; я просто выпью что нибудь, и конецъ;—мнѣ все равно, чѣмъ отравиться: больше или меньше мученій, все едино, и такъ мучительно.

— Я запрусь въ своей комнатѣ, — закончила она, — а на утро они меня найдутъ застывшей.

Я попытался сдѣлать нѣкоторые возраженія, но у нея все было дѣйствительно обдумано, и многіе отвѣты были готовы. Убѣждать ее было бесполезно. Послѣ нѣкотораго обмѣна мыслей стало ясно, что это—альтруистъ, человѣкъ совѣсти и долга, и я попытался, нельзя ли на этомъ полѣ что нибудь сдѣлать. Необходимо было, притомъ, и спѣшить, потому что въ ея душѣ все такъ было готово, что несчастье стояло тутъ рядомъ, какъ смерть за плечами. Покойный проф. Балинскій (знаменитый русскій психіатръ) предостерегалъ своихъ учениковъ (я имѣлъ счастье быть его ученикомъ) и совѣтовалъ зорко и бдительно стоять на стражѣ, быть внимательнымъ и не медлить, чтобы не пришлось черезъ день прочесть въ газетахъ о самоубійствѣ и не испытать чувство вины за судьбу человѣка, который обращался къ вамъ и искалъ вашей помощи, но вы не были поспѣшны и осторожны. Близкія къ самоубійству или душевной болѣзни лица нерѣдко обращаются къ психіатру, часто имѣя въ виду вовсе не пользоваться совѣтомъ, но обращаются во исполненіе какого-то смутно сознаваемого долга. Я подумалъ объ этомъ и повелъ такой разговоръ съ юной поспѣшительницей.

— Послушайте, Вы такъ подробно обдумали вашъ нехорошій поступокъ, что мнѣ даже не приходится говорить (а я это имѣлъ въ виду),—говорить о томъ, что вы избрали

самый мучительный способъ смерти: ядъ—отвратительная смерть. Больше я вамъ ничего не скажу. Только отвѣьте мнѣ на нѣкоторые вопросы.

— Вы написали письмо вашей мамѣ?

Она чуточку смутилась морально, однако, сейчасъ же нашла отвѣтъ въ той кучѣ мелкихъ соображеній, которыя въ качествѣ легкихъ возраженій прошли черезъ ея голову, уже въ ту пору, когда вопросъ былъ рѣшенъ.

— Нѣтъ! Я мамѣ не писала, что же мучить бѣдную маму?! Прочитаешь она въ газетахъ, хозяйка ей напишетъ... Ну!.. поплачетъ, поплачетъ и успокоится. Что же дѣлать?

— Все-таки лучше мамѣ написать. Она ежедневно будетъ много разъ читать и перечитывать ваше письмо, обливая его горячими слезами.—„Бѣдная моя...“ (какъ Васъ звать?—Екатерина).—„Бѣдная моя Катенька“, скажетъ мама, ни въ чемъ она, малютка, не виновна... я виновата въ ея смерти: мало ей писала, не дала ей воспитанія и проч. и проч.—Не она самоубійца, скажетъ мама, это я ея убійца. И пойдетъ мама плакать, горевать, убиваться, молиться и коротать жизнь, которая покажется долгой, долгой, тяжелой и мучительной. Мама скажетъ: зачѣмъ я раньше не умерла.—И знаете ли, это будетъ правда: все-таки, по великому уложенію природы, старые должны умирать раньше, а молодые послѣ, хотя Вы и дѣлаете наоборотъ.

— Напишите вашей мамѣ,—продолжалъ я, хоть письменно проститесь съ нею. Станете писать письмо—у васъ, вѣроятно, слезы польются изъ глазъ, закапаютъ письмо, мама замѣтитъ это, будетъ покрывать эти мѣста слезами и поцѣлуями, и сольются ваши слезы съ ея слезами въ одно общее море слезъ, тогда въ и микроскопъ не распознаешь, гдѣ слезы матери, гдѣ—дочери, и въ лабораторіи не розыщешь, гдѣ больше горечи и соли, гдѣ меньше. И вновь, и вновь, пуще и пуще будетъ горевать мама оттого, что примѣшала свои слезы къ вашимъ и не оставила нетронутыми ваши слезинки,

этотъ послѣдній слѣдъ и послѣдній свидѣтель вашей безвременно погибшей жизни и вашей сыновней любви...— Знаете ли, умирая всѣ пишутъ матерямъ, напишите и Вы. Когда рождала васъ мама, тогда мучилась, а теперь и больше мукъ придется ей принять, и дольше придется страдать.

— Непремѣнно напишите, настаивалъ я, не забудьте вашу бѣдную маму, вспомните о ней.—Вотъ Вы о квартирной хозяйкѣ такъ подумали, боитесь выстрѣломъ напугать ее, подумайте и о мамѣ.—Послушайте меня, не забудьте вашу маму. Вѣдь Вы у нея отнимаете дочь; жестоко и несправедливо отнимаете. Уже это тяжело. Да еще въ свѣтѣ будутъ говорить: „семейная среда заѣла ее“ (т. е. Васъ-то), и будетъ ваша мама безъ вины виноватой. Ударъ будетъ двойной—отъ свѣта и отъ васъ...

Выслушанными словами молодая дѣвушка нисколько не была тронута. Было ясно, что слова не доходятъ до ея окаменѣлаго сердца! Я только въ эту минуту понялъ, какъ велика и непосредственна опасность, которою она окружена, и какъ настойчивы должны быть попытки—пробудить ее отъ нравственной летаргіи.

Несмотря на всѣ старанія вызвать движеніе чувства въ душѣ молодой дѣвушки, она оставалась въ фактическомъ безчувствіи и воспринимала впечатлѣнія только ледянымъ умомъ. Оттого она продолжала пребывать во власти принятаго убійственного рѣшенія. Поколебать ее въ этомъ представлялось почти невозможнымъ. Но и оставлять все *in statu quo*, хотя бы даже на самое короткое время, значило цѣликомъ отдаваться во власть безнадежной случайности. Обращаться къ посторонней помощи, напримѣръ, къ роднымъ, къ знакомымъ, къ ея товаркамъ—этотъ внѣшній путь былъ бы своего рода раскрытіемъ тайны и, какъ я въ томъ убѣдился на бывшихъ примѣрахъ, имѣетъ свои роковыя опасности; а мать ея была далеко. Оставался все-таки одинъ вѣрный путь,—путь психологической борьбы и психической терапіи.

Еще разъ я попытался говорить, обращаясь уже не къ чувству вообще, которое было въ параличѣ, а къ чувству долга, которое оставалось не только не пораженнымъ, но даже изощреннымъ у этого чистаго, добраго, идеальнаго отъ природы существа. По руслу этого чувства еще можно было надѣяться проникнуть въ ея душу; всѣ же другіе входы туда были наглухо заколочены.

Ея стремленіе наказать себя, отомстить себѣ за свои вины стояло неумолимо. Оно то—чувство виновности—и было той страшной заразой, которая грозила смертью. Но это стремленіе всецѣло вытекало изъ крайне строго понятаго долга и колоссальныхъ преувеличеній и пристрастій въ оцѣнкѣ своихъ недостатковъ. На этой почвѣ еще можно было надѣяться на успѣхъ нравственнаго воздѣйствія. И только на этой почвѣ. На эту почву я сталъ...

. . . . .

— Послушайте—еще одинъ мой вопросъ!—Вы для чего, собственно, обратились ко мнѣ?—Вы съ кѣмъ-нибудь уже говорили о вашихъ нехорошихъ намѣреніяхъ?

Я каждый разъ прибавлялъ слово: нехорошихъ, чтобы не оставлять въ ней никакого сомнѣнія относительно того, что при всей проявленной мною благосклонности и благожелательности, я рѣшительно порицаю ея мысль о самоубійствѣ. На мой прямо предложенный вопросъ она отвѣчала:

— Нѣтъ! я никому ничего не говорила.—Вамъ первому я открываю свою роковую тайну.

— А для чего же я долженъ знать такіа тайны?—ласково спросилъ я, идя навстрѣчу ея довѣрію.

Она затруднилась отвѣчать сразу. Видимо, что съ ясностью она и сама не понимала, зачѣмъ обратилась къ доктору, хотя въ глубинѣ души, какъ выяснилось, она смутно чувствовала, что этотъ шагъ необходимъ и обязателенъ.

— Какъ сказать?...—Вы же психіатръ... ученый профессор...

Она опять затруднилась выразумѣть и выразить то, что происходило въ глубинѣ ея души и что привело ее ко мнѣ.

— Я хотѣла—заговорила она съ нѣкоторымъ пробужденіемъ чувства, чтобы хотя одна живая душа знала мое несчастье... „Не убійца же я какая-нибудь, подлая, чтобы затаить всю душу“.

— Вы хотѣли исполнить послѣдній долгъ человѣка?... Хотѣли открыть тяжелую истину,—сказалъ я,—и, не ожидая ея отвѣта, продолжалъ: въ этомъ Вы поступаете правильно!—Надлежитъ исполнять долгъ всю жизнь, и также исполнить его и въ послѣдній разъ.

— Вы понимаете, конечно, что такое долгъ?—сказалъ я скорѣе въ формѣ утвержденія, а не въ формѣ вопроса и, видя на лицѣ ея знакъ согласія, пояснилъ свою мысль: долгъ—это то, что должно дѣлать...

Послѣ небольшого эмотивнаго раздумья я обратился къ ней.

— У меня къ Вамъ небольшая просьба... Исполните ее! Если обѣщаете исполнить, я скажу. Если не обѣщаете, просьба предъявлена не будетъ.

По лицу дѣвушки и по всей ея внѣшности было видно, что фанатическая рѣшимость дрогнула въ ея душѣ, уступая мѣсто разуму, волѣ и готовности долга. Пользуясь этой зарей переменъ въ настроеніи, я твердымъ рѣшеніемъ, не допуская отказа, сказалъ:

— Я прошу у Васъ только одного: въ теченіе цѣлой недѣли не думать о самоубійствѣ и всѣми силами отъ того удерживаться. А чрезъ недѣлю пожалуйте ко мнѣ..

Чтобы укрѣпить ослабѣвшую волю страдальцы, охваченной фанатизмомъ убійства (она, едва-едва, но все-таки протестовала противъ этого фанатизма, произнося фразу: „я не какая-нибудь убійца, подлая“), чтобы укрѣпить ея волю, я просилъ ее дать положительное завѣреніе въ томъ, что

она исполнить мою просьбу. Она убѣжденно, съ чувствомъ долга дала обѣщаніе.

— Посмотрите внимательно туда. Я показалъ образъ Христа—работы нѣмецкаго художника Гофмана:—Онъ будетъ свидѣтелемъ моей просьбы и вашего обѣщанія.

Она вдумчиво взянула на художественно исполненный образъ, который находился предъ ея взоромъ. Экспрессія, какую далъ художникъ Христу на этомъ образѣ, содержала въ себѣ выраженіе упрека, соединеннаго съ величайшей любовью, соотвѣтственно евангельскому тексту: „сколько разъ Я хотѣлъ собрать васъ, какъ горлица собираетъ птенцовъ подъ свое крыло... но вы не захотѣли“!..

Мы разстались. По выраженію уходящей фигуры, которую я провожалъ глазами, я замѣтилъ, что кора дикой жестокой рѣшимости пробита; но я боялся рецидивныхъ движеній, и это оправдалось.

Чрезъ недѣлю она явилась. Въ ея фигурѣ и лицѣ было недовольство и то же—въ тонѣ рѣчей и голосѣ.

— Я съ трудомъ сдержала данное обѣщаніе...

Я перебилъ ее твердымъ замѣчаніемъ, что всякій долгъ исполняется не легко, не безъ труда и требуетъ усилій, но исполненный долгъ оставляетъ въ душѣ доброе чувство и прибавку воли, а это—достаточная награда за сдѣланныя усилія.

— Но это требуетъ нечеловѣческихъ усилій... оправдывалась она.

— Но Вы ихъ, все же, сдѣлали. И я вижу, что сегодня Вы добрѣе душой, чѣмъ недѣлю тому назадъ.

— Я этого не замѣчаю въ себѣ,—сказала она.

— А я замѣчаю и повѣрьте, это имѣетъ большее значеніе, чѣмъ то, что Вы не замѣчаете.

— Я все-таки остаюсь при своемъ! Я дальше сдерживать себя не могу и не буду.

— Это „не могу“ и „не буду“ я слышалъ и недѣлю тому назадъ, но оно не оказалось правдой. Сдерживать себя Вы можете и должны.

— Боже мой! Что мнѣ дѣлать?! произнесла она въ состояніи колеблющейся воли и проблеска добрыхъ чувствъ, которыя, однако-жъ, слабо озарили ея лицо, расходуясь почти сполна на борьбу съ роковымъ стремленіемъ къ самоубійству.

Моментъ былъ трудный и, быть можетъ, болѣе трудный для меня, чѣмъ для моей собесѣдницы. Опасность положенія я чувствовалъ со всею ясностью! Чувствовалась и нравственная отвѣтственность за чужое дитя, которое, по слѣпому случаю, беспомощно упало на мои руки... Быть можетъ, еще удастся удержать ея убійственную руку. Но можетъ случиться также, что ночной мракъ, даль родной матери и заготовленный ядъ скажутъ свое послѣднее слово... Послѣ небольшой наступившей паузы, я ласково сказалъ:

— Послушайте меня, дитя! (тутъ я спохватился...)—Простите за послѣднее, услышанное Вами слово, которое вырвалось изъ души, какъ невольная материнская ласка, когда, за отсутствіемъ здѣсь вашей мамы, охранять Васъ приходится чужому, а не родному оку.—Послушайте моего совѣта! Вы взрослая дѣвушка, хотя я Васъ и назвалъ иначе, и, какъ взрослая, Вы должны уже умѣть признавать—и нравственный долгъ, и его безусловную обязательность. Жизнь—есть жизнь, а смерть есть смерть, и ихъ необходимо держать въ памяти, но—каждую въ особомъ ящикѣ, и подъ замкомъ. Но держать ихъ близко, какъ Вы дѣлаете,—это несовмѣстимо съ долгомъ. Долгъ и выше жизни, и выше смерти! Первый долгъ—это сама жизнь, послѣдній—смерть. Исполните оба по очереди!

Едва она произнесла свои первыя отвѣтныя слова тѣмъ же опаснымъ, зловѣщимъ тономъ, я быстро всталъ съ мѣста—невольный душевный знакъ того, что я желаю, требую, настаиваю на своемъ и что, нравственно, я ни на шагъ

не могу отступить.... Встрѣтившись неожиданно съ непреклонной твердостью духа, молодая дѣвушка вдругъ расплакалась и пала предо мной на колѣни. Закрывъ лицо руками и не переставая тихо лить слезы, она склонилась ко мнѣ головой и начала умолять, чтобы я позволилъ ей лишиться себя жизни. Она безсильно оставалась въ той же позѣ... Я ласково взялъ ее за руки и посадилъ... Послѣ короткой паузы я обратился къ ней:

— Дитя мое!—сказалъ я съ нѣжной твердостью.—Вы сами не знаете, чего просите.—Развѣ врачъ можетъ дать свое согласіе на отнятіе у человѣка жизни,—чего Вы такъ настойчиво домогаетесь отъ меня. Медицина и врачи стремятся сохранить и продлить человѣческую жизнь, а не разрушать ее. Это принципъ медицины! Ни одинъ врачъ въ мірѣ не могъ бы дать Вамъ иного отвѣта.

— Но для меня жить,—что-то ужасное. Это невозможно!—повторила она, но уже видимо побѣжденная.

Съ молящимъ взоромъ, все еще оставаясь въ борьбѣ чувствъ, и не переставая тихо плакать, она сказала:

— Не требуйте отъ меня, профессоръ, того, что для меня невозможно!

— Невозможнаго,—того, что выше Вашихъ силъ, я не требую, но одну недѣлю жизни—это возможно,—сказалъ я со спокойнымъ, но глубокимъ убѣжденіемъ.

— Я попробую—изо всѣхъ своихъ послѣднихъ силъ попробую—сказала она съ видимымъ напряженіемъ воли—воли еще юной и неокрѣпшей, но уже ослабленной страданіями.

— Меня радуетъ Ваше обѣщаніе напрячь свои послѣднія силы. Въ свою очередь, и я Вамъ обѣщаю, что за эту недѣлю и силы организма, и сила воли у Васъ получать прибавку.—То, что Вы расплакались,—не плохой знакъ. Я даже радуюсь, что могъ Васъ разстроить до слезъ.

Я позвонилъ прислугѣ и сказалъ дать барышнѣ

умыться, потому что у нея разболѣлась голова, а ей сказалъ:

— Выйдите хорошенько ваше лицо и чрезъ недѣлю приходите.

Мы простились. Успѣхъ психологическаго лѣченія обозначился. Печать мрачной убитости и холодныхъ, жестокихъ, фанатическихъ напряженій,—эта печать стала видимо меньше. Духъ получалъ свою свободу отъ гнета тяжкаго, густого, чернаго налета пессимизма. Особенно благоприятнымъ знакомъ былъ свободный, искренній потокъ слезъ: смѣна эмоцій начинала вступать въ свои естественные пути.

Черезъ недѣлю новое свиданіе. Общее впечатлѣніе было благоприятно. Однако-жъ, опасное зло еще не исчезло. Оно еще оставалось въ душѣ, сказываясь и рецидивными мыслями, и тяжелыми сомнѣніями, но возможность возстановленія потрясенной души была уже безспорно достигнутой.

— Я снова пришла къ Вамъ,—тихо заговорила она, уже полная кротости и добрыхъ чувствъ, но еще сомнѣвающаяся и нерѣшительная, выбитая изъ колеи жизни. На поверхности ея души еще держались пережитыя эмоціи.

— Я боюсь, г. профессоръ, что Вы потребуе отъ меня еще одну недѣлю.

— Одну недѣлю?!—Одинъ годъ, твердо сказалъ я.—Вы прожили двѣ недѣли, можете прожить и двадцать двѣ и дважды двадцать двѣ.—Ничего невозможнаго я не требую отъ Васъ. И это будетъ самый дорогой подарокъ для вашей бѣдной мамы, которой я написалъ подробно о постигшихъ Васъ бѣдствіяхъ и отъ которой получилъ это письмо. Прочтите его.

Она жадно впиалась въ родныя строки, и теперь видно было, что тяжелый кошмаръ, омрачившій было ея душу, исчезъ, и она теперь имѣетъ силы радоваться, волноваться, надѣяться, любить свою маму, о которой она совсѣмъ, было, забыла, забыла, если не своей памятью, то своими чув-

ствами. Но въ минуту чтенія письма она была полна самыхъ пламенныхъ, всепроницающихъ, свободно горѣвшихъ сыновнихъ эмоцій. Зная содержаніе письма, я слѣдилъ взоромъ, какія чувства и какое состояніе духа вызывалось у читавшей тѣми или другими мѣстами письма. Начиналось письмо словами: „нѣтъ у меня, дорогой профессоръ, ни столько словъ, ни столько слезъ, чтобы выразить Вамъ мои чувства за спасеніе моей единственной и безконечно дорогой для меня дочери, для которой Вы стали ангеломъ-хранителемъ! Только Вамъ мы обѣ обязаны счастіемъ жить, любить и поддерживать одна другую“... и т. д.

— А я-то Васъ и не поблагодарила, дорогой профессоръ, повторила она слова письма, за ваши заботы.

— Вы поблагодарили, сказалъ я, поблагодарили тѣмъ, что послушали меня и поправились. Теперь, поѣзжайте съ мамой домой. Она, вѣдь, пріѣзжаетъ на-дняхъ. Нигдѣ Вамъ не будетъ такъ хорошо, какъ у мамы; тамъ расправятся смятые и растрепанные бурей жизни листочки вашей души и опять полетитъ свободно ваше существо.—Теперь уже придете ко мнѣ вмѣстѣ съ мамой.

Мы простились.

Какъ ни стихла, казалось легко, страшная буря или ураганъ, налетѣвшій на юную душу, но за наступившимъ психологическимъ просвѣтленіемъ еще долго (нѣсколько мѣсяцевъ) оставались тяжелыя нервныя расстройства. Полное возстановленіе здоровья потребовало еще долгаго срока. Но это самый обычный ходъ событій! Многіе случаи этого рода оканчиваются удавшимися или неудавшимися попытками самоубійства. Предупрежденіе самыхъ попытокъ въ высшей степени важно для полного выздоровленія. Сдѣланныя попытки на самоубійство, даже нисколько не повредившія здоровью, все-таки оставляютъ надолго дурной слѣдъ—слѣдъ излома души.

V.

Психологическія и психотерапіи́ныя указанія.

Самоубійство въ юные годы во многомъ отличается отъ самоубійства позднѣйшихъ возрастовъ. Прежде всего, оно не такъ часто и даетъ большій процентъ неудачныхъ попытокъ. Оба условія зависятъ приблизительно отъ дѣйствія однихъ и тѣхъ же причинъ. Къ этимъ причинамъ относится, съ одной стороны, свойственная юности яркость и сила чувства жизни (Гефдингъ), которое самоубійца предоститъ преодолевать и въ первую и въ послѣднюю минуту рокового замысла, а съ другой,—относительная неполнота размѣровъ и силы воли, которая достигаетъ своего полного развитія, у большинства людей, только около 26—30—лѣтняго возраста. Благодаря силѣ чувства жизни и нетвердости воли,—въ составѣ программъ и техникъ самоубійствъ юнаго возраста—нерѣдко остается или невольно оставляется крошечная щель, чрезъ которую можетъ проскользнуть надежда и самосохраненіе. Кромѣ этихъ основныхъ психологическихъ причинъ, существуетъ и рядъ внѣшнихъ условій, благопріятствующихъ юному возрасту за счетъ позднѣйшаго времени. Сюда относится въ особенности то, что юный возрастъ въ меньшей степени подверженъ коллизіямъ—семейнымъ, общественнымъ, служебнымъ и въ меньшей мѣрѣ и меньшей безраздѣльности несетъ на себѣ бремя борьбы за существованіе.

Но наряду съ шансами, благопріятными для юности, существуютъ условія неблагоприятныя, заключающіяся въ

самомъ ходѣ психическаго развитія и сознанія личности. Этотъ сложнѣйшій процессъ, локализованный почти полностью въ границахъ юности, богатъ многочисленностью и переплетенностью нитей жизни и допускаетъ возможность несчастныхъ случайностей и катастрофъ, подобно тому, какъ прорѣзываніе зубовъ у дѣтей допускаетъ возможность физическихъ заболѣваній и кризисовъ. Дѣло идетъ о своего рода психологическихъ затрудненіяхъ, психическихъ закупоркахъ или камняхъ преткновенія, которые заслуживаютъ вниманія не только психолога, но также педагога и семьи.

Къ числу психологическихъ камней преткновенія, на первомъ планѣ, должно быть отнесено состояніе сомнѣнія. Это состояніе вообще свойственно человѣку, и его важное значеніе разъяснено Декартомъ¹⁾. Сомнѣніе полезно, необходимо и неизбежно, но въ юные годы оно иногда принимаетъ такіе далекіе или широкіе размѣры, что можно, по примѣру психіатровъ, допускать два вида его: фізіологическое сомнѣніе и патологическое. Послѣдній варьянтъ и даже пограничные пункты уже представляютъ свои опасности, о которыхъ упоминаетъ поэтъ:

Съ души, какъ бремя, скатится
Сомнѣнье далеко...
И плачется, и вѣрится
И такъ легко, легко.

Когда сомнѣніе скатится, тогда—легко, а пока оно есть—тяжело! Сложные вопросы жизни, бытія и повседневности, въ ихъ идеализаціи²⁾ и идеальной постановкѣ, свойственной юному возрасту, приводятъ нерѣдко къ тяжелымъ со-

¹⁾ См. мою „Всеобщую Психологію“ стр. 578 и дал., гдѣ представлена и фізіогномика сомнѣнія.

²⁾ См. мою статью: „Идеализація и матеріализація жизни“. Рѣчь на Съѣздѣ Психіатровъ въ Москвѣ въ 1911 г. Есть отд. изд.

мнѣніямъ. Современная ходячая идеологія легко разрѣшаетъ сомнѣнія ссылкой на конечный авторитетъ личной совѣсти („какъ вамъ подскажетъ ваша совѣсть, такъ и поступайте“). Что такой совѣтъ не безусловенъ, явствуетъ изъ того, что въ юномъ возрастѣ нерѣдко прибѣгаютъ къ нравственной помощи другого лица. Эта помощь можетъ оказаться необходимой не только для разъясненій предмета сужденія по существу, но и въ актѣ выбора, который совершается волею. Участіе и совѣтъ другого можетъ разрѣшить сомнѣнія (ума) и колебанія (воли). Второе не менѣе важно, чѣмъ первое. Уже одинъ показъ воли, полагающей предѣлъ сомнѣніямъ, т. е. простое засвидѣтельство ея наличности у совѣтника бываетъ, иной разъ, благотворно для измученнаго нерѣшительностью и сомнѣніями человѣка, какъ видно изъ приведеннаго примѣра на стр. 12-й. Оттого, нерѣдко простая фраза другого: я бы такъ, на вашемъ мѣстѣ, поступилъ, сказанная твердо и спокойно (что уже указываетъ на волю), оказывается достаточной для разрѣшенія и устранения психической закупорки.

Неразрѣшенные или долго неразрѣшаемыя сомнѣнія постепенно оставляютъ сознаніе, „забываются“ и, становясь менѣе настойчивыми, „теряются“, опускаясь въ океанъ безсознательныхъ водъ (Джестроу), но не исчезаютъ безслѣдно. О судьбѣ такихъ психическихъ переживаній была рѣчь выше, стр. 6-я. Опасность сомнѣній, особенно сомнѣній неразрѣшенныхъ и „затерявшихся“, состоитъ въ томъ, что на почвѣ ихъ возникаетъ чувство виновности и отвѣтственности предъ самимъ собой. Это чувство въ юномъ возрастѣ играетъ выдающуюся роль, какъ этиологическій (причинный) моментъ самоубійства. Такимъ образомъ, сомнѣнія особенно болѣе тяжкія, касающіяся нравственныхъ вопросовъ и долга, составляютъ исходную точку будущей грозной катастрофы.

Обыкновенный путь, по которому въ болѣе тяжелыхъ случаяхъ протекаютъ эти опасныя событія, состоитъ въ томъ,

что сомнѣніе, по самому свойству своему¹⁾, останавливаетъ потокъ переживаній, являясь неопределимой психологической пробкой, задерживающей жизнь и мысль. Такая задержка, или замедленіе влечетъ за собою печаль, тоску, острое чувство виновности и гнѣвъ. Въ субъективномъ отраженіи этихъ событій, человѣку кажется, что его собственная личность стала причиной и орудіемъ наступившихъ бѣдъ, и тогда на этомъ субъективномъ основаніи, устанавливается такой потокъ умозаключеній: „все это сдѣлалъ я, во всемъ виноватъ также я, нужно казнить только самого себя“. Изъ такой цѣпи посылокъ вытекаетъ выводъ о самоубійствѣ, какъ объ актѣ возмездія. Это видимъ у молодой дѣвушки, у которой изъ безсознательныхъ глубинъ души вдругъ и неожиданно вырвалась мысль: „такъ нечего и церемониться съ подобнымъ существомъ“ (см. выше стр. 25-я). Такимъ образомъ, при извѣстныхъ условіяхъ, въ душѣ можетъ устанавливаться слѣдующая послѣдовательность переживаній:

1. Сомнѣніе и нерѣшительность;
2. Чувство виновности;
3. Тоска, гнѣвъ, страхъ;
4. Фанатизмъ;
5. Самоубійство.

Здѣсь показанъ чисто психологическій путь развитія событій отъ сомнѣній до самоубійства. Но тамъ—гдѣ чувство виновности возникаетъ не изъ состоянія сомнѣній, а развивается инымъ путемъ (см. стр. 15-я), который можно назвать фізіологическимъ, въ отличіе отъ описаннаго

¹⁾ Сомнѣніе нашло для себя выдающагося изобразителя въ лицѣ русскаго художника Иванова въ его всемірно извѣстной картинѣ: „Явленіе Христа Народу“ см. мою „Всеобщую Психологію“ стр. 578 и дал. Высокохудожественное изображеніе сомнѣній въ картинѣ Herb. Schmalz'a „Марія Магдалина“, въ изображеніи Ап. Фомы у Леонардо-да-Винчи и у В. Е. Маковского въ картинѣ „Крахъ Банка“ (см. „Вс. Псих.“ стр. 582, 584, 595).

сейчасъ,—тамъ только исходная точка событій—иная. Но разъ дѣло дошло до чувства виновности, дальнѣйшій ходъ событій слѣдуетъ тому же циклу, который сейчасъ начертанъ. Въ этомъ циклѣ, общемъ для обоихъ случаевъ, только четвертый пунктъ требуетъ разъясненій. Фанатизмъ вообще не свойственъ юности. Это—возможная черта другихъ возрастовъ. И тѣмъ не мѣняе, фанатизмъ можетъ встрѣтиться и въ юношескомъ возрастѣ—о чемъ такъ положительно рассказываетъ по самочувствію субъектъ, изображенный выше (стр. 19-я). Фанатизмъ въ юномъ возрастѣ, предшествующій самоубійству и облегчающій его исполненіе, есть одинъ изъ послѣднихъ этаповъ въ ряду другихъ начертанныхъ перемѣнъ и зависитъ отъ того, что душа уже порядочно опустѣла въ своемъ идеальномъ составѣ и тогда, за отсутствіемъ сдерживающаго начала, въ ней начинаютъ господствовать инстинкты и низшія чувства: гнѣвъ, страхъ, печаль и виновность. Фанатизмъ является только лишнимъ переходнымъ звеномъ по пути къ самоубійству. Арцыбашевъ такъ изображаетъ душевное состояніе бывшаго студента Чижа, незадолго до его самоубійства. „Злоба душила его, и хуже всего было то, что злоба была безпредметна“¹⁾. Дурныя чувства, обращающіяся въ фанатизмъ, живутъ въ бессознательнѣйшій сферѣ и легко, притомъ, неожиданно всплываютъ оттуда на поверхность, глубоко смущая собою юное существо, которое чувствуетъ утрату власти надъ собою. Женщины, особенно молодыя дѣвушки, живо реагируютъ на эти перемѣны: „я чувствую, что становлюсь демономъ“—можно слышать отъ нихъ (и это говорится идеальнѣйшимъ существомъ)!

Наступившая стихійность и беспорядокъ въ душѣ вызываетъ неудержимый порывъ искать посторонней помощи. Объ этихъ исканіяхъ говоритъ Балинскій (см. выше

¹⁾ Арцыбашевъ „У послѣдней черты“ въ первыхъ главахъ романа. С-кій.

стр. 26-я) говоритъ молодая дѣвушка, какъ о чемъ-то безотчетномъ (стр. 29-я). Эти исканія были также хорошо извѣстны Достоевскому, который проводилъ часть своего утренняго времени въ писаніи отвѣтовъ на письма сомнѣвающихся, особенно юныхъ. Всякому психіатру также вѣдома такая корреспонденція. Трогательная, сердечная благодарность за посланные отвѣты показываетъ, какую жизненную важность имѣютъ для смущенныхъ совѣты того, кому они довѣряютъ и вѣряютъ свои таинственные сомнѣнія. Слова проф. Балинскаго (см. выше стр. 26-я) и слова юной дѣвицы (стр. 29-я) иллюстрируютъ важность и субъективную обязательность признаній, среди переживаемыхъ потрясеній. Достоевскій въ бесѣдѣ со мной, когда я засталъ его за отвѣтными корреспонденціями, сказалъ: „прежде къ схимникамъ обращались, а теперь направились къ намъ—писателямъ, а придетъ время—станутъ обращаться къ психіатрамъ“. Слова великаго писателя оказались пророческими. Интересенъ, поэтому, слѣдующій фактъ. Въ Кіевѣ, въ мѣстной Лаврѣ, лѣтъ десять назадъ скончался схимникъ, человѣкъ съ художественнымъ образованіемъ. Къ нему обращались по преимуществу учащіеся высшихъ свѣтскихъ учебныхъ заведеній, молодые люди и дѣвицы изъ Москвы, Петербурга и другихъ мѣстъ. Великая доброта, душевная гармонія и возвышенное спокойствіе этого человѣка дѣйствовали благотворно на молодежь. Нѣкоторыхъ изъ своихъ кліентовъ схимникъ направлялъ къ мѣстнымъ психіатрамъ. Съ перваго раза все это кажется какъ бы анахронизмомъ въ наши дни. Но это фактъ! Поломничество было покрыто таинственностью и поддерживалось преданіемъ, какъ живая традиція среди поколѣній юныхъ пилигримовъ. Но и признаніе молодой дѣвушки (см. стр. 29-я) долгое время оставались глубокой, безусловной тайной. Таково свойство этихъ интимныхъ переживаній!

Большая часть катастрофическихъ событій юнаго воз-

раста не относится къ разряду болѣзней, хотя неспеціалисты нерѣдко думаютъ иначе и готовы расширять предѣлы психіатріи дальше тѣхъ границъ, на которыя можетъ согласиться психіатръ. Неожиданныя „внезапности“ являются таковыми только по недосмотру или по непривычкѣ видѣть и наблюдать психологію въ лицахъ и событіяхъ. Но придетъ время и для этого!... Всѣ, такъ называемая, „глубокія тайны“ готовятся и зрѣютъ на виду у всѣхъ; предусмотрѣть ихъ возможно; научиться видѣть должно. Онѣ въ огромномъ числѣ случаевъ относятся къ разряду психологическихъ, т. е. нормальныхъ явленій, или—самое большее къ разряду психическихъ недомоганій и должны быть вѣдомы и семьѣ, и школѣ. И та, и другая могутъ сохранить юную жизнь въ цѣлости и неприкосновенности. Для этого психологія должна сдѣлаться общеобязательной среди образованнаго общества, а психо-гигіена весьма желательна! Нѣтъ надобности при этомъ ни въ новыхъ органахъ, ни въ новыхъ штатахъ, ни въ особенныхъ ассигновкахъ. Но программа заботъ должна быть рѣшительно видоизмѣнена! А самыя заботы должны стоять такъ близко къ юной жизни, чтобы этой, заброшенной жизни не приходилось совершать тысячеверстныя пилигримства и не приходилось бы, затѣмъ, безъ бедкеровъ и путеводительныхъ книгъ—томительно и пугливо, въ глубоко-ранній часъ—разыскивать психологическую санитарную станцію. Помощь должна быть близкой и скорой!

Эту помощь, обязательнымъ велѣніемъ самой жизни, ищетъ всякій человѣкъ,—великій и малый, старый и юный и находитъ ее, руководясь единственно глубочайшимъ чутьемъ и личнымъ безотчетнымъ проникновеніемъ. Подобно тому, какъ прикладывая руку ко лбу, мы побуждаемъ нашу мысль сдѣлать еще одно маленькое усиліе и вывести насъ изъ мрака сомнѣній на свѣтъ, такъ и въ поискахъ желаннаго и необходимаго человѣка насъ движетъ то же чутье, та же луче-

зарная проникновенность. Ничего сверхъестественнаго въ этомъ нѣтъ: есть только психологическое, притомъ, столь глубоко интимное, что человѣкъ ревниво таитъ его, пока длятся поиски, оберегая тѣмъ свою психологическую неприкосновенность, точно боясь, что ему помѣшаютъ или надорвутъ ту незримую нить, которая ведетъ къ спасенію. Тутъ жизнь одного охраняетъ жизнь другого, или вѣрнѣе—одна жизнь спасаетъ другую: одна жизнь „пугливо жметъ къ другой“ по выраженію И. С. Тургенева! При этомъ вступаетъ въ дѣйствіе то крайнее напряженіе жизни, которымъ мобилизуются всѣ запасныя силы организма и вся его психика—что придаетъ человѣку (или звѣрю) сверхъ-обычную пронизательность, и такая пронизательность ведетъ человѣка въ его исканіяхъ. Всѣ идутъ этимъ путемъ, и даже—великіе люди! Въ эти моменты жизни искомымъ человекомъ для всякой вообще человѣческой личности можетъ быть и старецъ, и схимникъ, и ученый, и профессоръ, и просто добрый человѣкъ, и даже дитя (см. стр. 12-я). Въ эти тяжкія для жизни минуты ищется, по выраженію Тургенева, трепетный огонекъ жизни, который ярко горитъ и свѣтится, когда нашъ грозитъ погаснуть. Мы стремимся тогда на яркій свѣтъ инстинктивно и по глубокому чутью нашей жизни. Уже не разумъ ведетъ по этимъ невѣдомымъ путямъ, а сама объединенная жизнь, если ей грозитъ роковая опасность. Это именно и бываетъ въ послѣднія свѣтлыя минуты предъ самоубійствомъ. Жизнь затрепещетъ тогда, какъ пойманная птичка, и стремится на поиски самосохраненія.

Всякая помощь, которая, въ эти критическія минуты, можетъ привести мысли въ порядокъ, успокоить смятеніе, внести миръ въ душу человѣка, устранить стоящія на пути глыбы сомнѣній, расчистить тропинку отъ разбросанныхъ по ней эмотивныхъ камней, показать въ лицахъ волю и самообладаніе—это уже немаловажная помощь. Но это только часть цѣлаго! Желательнымъ, цѣннымъ и искомымъ бываетъ

всегда нѣчто большее, придаточное—чего ждетъ и юный, и зрѣлый искатель. Это „нѣчто“, именуемое содѣйствіемъ, сочувствіемъ, состраданіемъ, соболѣзнованіемъ, есть личный трудъ, личная жертва, личное участіе другого, словомъ—тотъ социализмъ, когда человѣкъ даетъ другому часть своей души. Этотъ социализмъ ни въ чемъ не уступить всякому другому социализму!

Таковы задачи психотерапіи, какъ личнаго искусства, дара, долга и какъ предметъ людскихъ исканій въ критическія минуты жизни.

Никто не освобожденъ отъ общечеловѣческой повинности—подавать скорую психологическую помощь. А санитарныя станціи легко намѣчаются самими искателями!

Новѣйшія сочиненія:

Проф. И. А. Сикорскаго

въ послѣднія двѣнадцать лѣтъ 1889—1912.

- Психологическая борьба съ самоубійствомъ.**
Кіевъ, 1913 г. . . . . Ц. — р. 30 к.
- Всеобщая психологія съ фізіогномикой съ иллюстрированнымъ изложеніи, удостоенная В. М. Академіей преміи Юшенова (3.400 р.).** Изданіе второе, существенно дополненное. Кіевъ, 1912 г. Ц. 5 р. 50 к.
- Основы теоретической и клинической психіатріи съ краткимъ очеркомъ Судебной Психологіи.** Иллюстрированное изданіе съ 360 фигурами въ текстѣ. Кіевъ, 1911 г. . . . . Ц. 7 р. 50 к.
- Душа ребенка.** Изданіе III. Кіевъ, 1910 г. Складъ изданія въ книжномъ магазинѣ Н. Оглоблина, въ Кіевѣ . . . . . Ц. 1 р. 50 к.
- Начатки Психологіи.** Кіевъ, 1909 г. (въ перепл.) Ц. 1 р. — к.
- Сборникъ научно-литературныхъ трудовъ, Кіевъ.**
I—V кн. (IV книга **Алкоголизмъ въ Россіи**). . . Ц. 5 р. — к.
(Книжный магазинъ Югансона въ Кіевѣ).
- Объективное изслѣдованіе чувства.** Кіевъ, 1903. Ц. — р. 75 к.
- Разсказъ о 25-ти заживо-погребенныхъ въ Терновскихъ хуторахъ близъ Тирасполя.**
Кіевъ, 1897 г. . . . . Ц. 1 р. — к.
- Психологическія основы воспитанія и обученія.**
Кіевъ, 1909 г. . . . . Ц. 1 р. — к.
- Н. И. Пироговъ.** Рѣчь на столѣтнемъ юбилеѣ.
Кіевъ, 1910 г. . . . . Ц. — р. 20 к.
- Психологическое направленіе творчества Гоголя.**
Кіевъ, 1910 г. . . . . Ц. — р. 15 к.
- Талантливость и даровитость въ свѣтѣ объективнаго изслѣдованія.** Кіевъ, 1912 г. . . . Ц. — р. 30 к.
- Идеализація и матеріализація жизни.** Кіевъ, 1912 г. (изданіе второе). . . . . Ц. — р. 20 к.
- Надвигающійся кризисъ отъ вина.** Кіевъ, 1912 г. (изданіе второе). . . . . Ц. — р. 20 к.
- Антропологическая и психологическая генеалогія Пушкина.** Кіевъ, 1912 г. . . . . Ц. — р. 40 к.
- Основы алкогольной политики въ Россіи.** Кіевъ, 1912 г. . . . . Ц. — р. 20 к.

Получать можно въ книжныхъ магазинахъ:

Л. ИДЗИКОВСКАГО въ Кіевѣ и Н. Я. ОГЛОБЛИНА въ Кіевѣ и С.-Петербургѣ и у автора: Кіевъ, Ярославовъ Валъ, 15.